

«Бог вдохнул в нее живую нежную душу и одарил необыкновенной простотой (но не простоватостью) и скромностью, которые свойственны только великим людям в искусстве, чистотой души — только чистая душа может создать в искусстве величайшие ценности, — необычайной вдохновенностью и работоспособностью, взыскательностью к себе и во всем талантливостью». Так писал о Неждановой ее ближайший друг, спутник многих лет, выдающийся русский музыкант Николай Голованов.

Великое искусство всегда тайна. То, что вдохнул Бог, невозможно разгадать, поверив алгеброй гармонии. Искусство легендарной Антонины Васильевны Неждановой — высокое, пленительное, на протяжении многих лет владевшее сердцами публики, — одна из таких тайн.

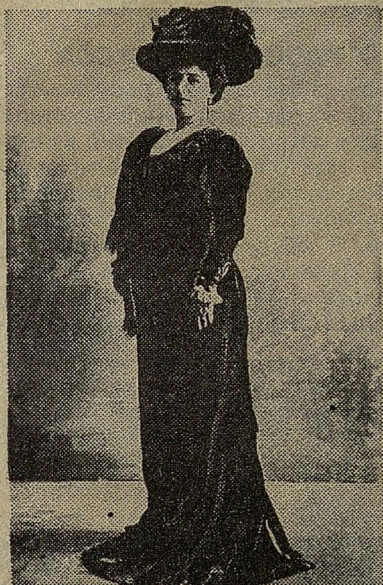
Она родилась в деревне Кривая Балка близ Одессы и с раннего детства страстно любила музыку, пение, танцы. Здесь, в Одессе, будущая певица впервые побывала в опере. Затем — учеба в Московской консерватории в классе профессора Умберто Мазетти. Имя Антонины Васильевны золотыми буквами высечено на мраморной Доске почета Консерватории. 6 мая 1902 года состоялся дебют Неждановой на прославленной сцене Большого театра. В опере Глинки «Жизнь за царя» она исполнила партию Антонины.

С Большим театром связана вся творческая судьба А. В. Неждановой. Эти таинственные кулисы и святые доски сцены помнят ее Людмилу в «Руслане и Людмиле» и Эльзу в «Лознгрине», Дильду в «Риголетто» и Царицу ночи в «Волшебной флейте», Царевну Лебедь в «Сказке о царе Салтане» и Виолетту в «Травиате», Джульетту, Лакме, Манон, Шемаханскую царицу, Снегурочку, Розину, Татьяну Ларину, Марфу — все партии трудно перечислить.

Одна из вершинных работ артистки — Марфа в опере Римского-Корсакова «Царская невеста». Это был исключительный по глубине образ трогательной девушки из Александровской слободы, образ, овеянный «тихой лаской» первой любви. Идеальное пение, реалистическая, лишенная каких-либо ненужных эффектов игра Неждановой стирала грань между театром и жизнью — публика была захвачена, а в заключительной сцене, где сложенная розовыми обстоятельствами героиня теряет рассудок, многие не могли сдержать слез.

В оперы западного репертуара Антонина Васильевна всегда вносила много самобытных художественных приемов. В 1906 году «Русское слово» писало: «Конечно, г-жа Нежданова одна из лучших Дильд современности и по голосу, звенящему как угодно высоко серебряным колокольчиком, и по ласкающей теплоте выражения, и по удивительной грациозности колоратурного орнамента, и по симпатичной мяг-

«НАША ВОКАЛЬНАЯ СОВЕСТЬ»

кости драматического акцента». Слова рецензента лишним раз подтвердили и триумфальные гастрели Неждановой в парижской Гранд Опера — в 1912 году она пела там Дильду в опере Верди «Риголетто», а партнерами ее были кумиры той поры Карузо и Руффо. Успех «русской жемчужины» был колоссальным и, по мнению многих, даже превосходил успех великих итальянцев.

Антонина Васильевна любила Родину, любила Большой театр и предпочитала петь на его сцене, отклоняя многие заманчивые предложения зарубежных импресарио. Это позволило директору императорских театров В. А. Теляковскому сказать: «Если вы хотите слушать Нежданову, приезжайте в Московский Большой театр или Петербургскую «Мариинку», по «заграни-

цам» она не ездит». А контракты были весьма соблазнительные — Ла Скала, Ковент Гарден, ведущие оперные сцены Италии, Франции, Америки... Неоднократно она получала приглашения от Дягилева, но каждый раз вежливо отказывала ему из-за расхождения их точек зрения — так, Нежданова была возмущена дягилевской постановкой «Золотого петушка» в Париже, где всю оперу танцевал балет, а солисты пели из оркестровой ямы.

В 1914 году А. В. Нежданова отказалась от гастрелей в Париже и Лондоне и поехала петь в Саратов и Казань. А в 1922 году в газетах появилось сообщение: «Окончив с огромным успехом свое заграничное турне, А. В. Нежданова отклонила предложенный ей контракт в Америку и возвращается в Россию».

Очень часто имя великой певицы можно было видеть на афишах всевозможных благотворительных концертов — в пользу Общества для призрения престарелых и лишенных способности к труду артистов, Московского Совета детских приютов, Общества вспомоществования нуждающимся студентам, Сергиево-Елизаветинского трудового убежища увечных воинов русско-японской войны, Московских высших женских курсов, в пользу нуждающихся провинциальных сценических деятелей, «на изыскание средств на усиление фонда Экспедиции к Северному полюсу, предпринятую лейтенантом Седовым» и т. д.

Нежданова была первой певицей в стране, которая выступала по радио. Начиная с 1924 года она постоянно участвовала в

радиопередачах, получала сотни писем от слушателей. В годы Великой Отечественной войны голос любимой певицы согревал сердца, поддерживал и дарил надежду. Тогда же Антонина Васильевна выступала в госпиталях. В 1943 году начинается ее педагогическая деятельность на кафедре сольного пения Московской консерватории.

Антонина Васильевна была очень целеустремленной, наблюдательным человеком. Художественные впечатления, встречи с интересными людьми, знакомство с новыми городами — буквально все это пополняло ее духовный и творческий багаж. Работая над партией Виолетты в опере

«Травиата», она прочла «Даму с камелиями» Дома по-французски и в русском переводе. Чтобы лучше почувствовать характер своей героини, ее окружение, Нежданова во время своих поездок в Париж бывала на Монмартре, посещала рестораны, где собирались дамы полусвета. Куртизанки насмехались над ее растерянностью, а Антонина Васильевна «несмотря ни на что, присматривалась, приглядывалась к манерам, походке, жестам, выражению лиц этих женщин». Эту роль Нежданова готовила около года, добиваясь создания предельно точного сценического образа. В тот момент ей очень помогли рекомендации великой русской артистки Марии Николаевны Ермоловой, которая способствовала тому, что Виолетта Неждановой была «благородной и чистой, несмотря на ту жизнь, которую ей приходилось вести поневоле».

Время неумолимо бежит вперед, делая настоящее прошлым. Что же остается потомкам? Художник оставляет свои полотна, писатель — книги, зодчий живет в архитектурных творениях. А после певца остаются лишь записи и фотографии — скупой, несовершенный отголосок былого. Жива память. Есть улица, фестиваль, Консерватория имени Неждановой. Есть неосуществленный проект выдающегося русского скульптора Ивана Шадра, задуманный в 1940 году, еще при жизни Антонины Васильевны. Идея и эскиз проекта хранятся в Мемориальном музее-квартире А. В. Неждановой. Приведем его текст.

«Монумент А. В. Неждановой. Идея и материал. **Раскрытый роаль.** — Взмах крыла (из черного полированного лабрадора, загадочного, бездонного, как звездная ночь). **Статуя аккомпаниатора** — бронзовая буря, пламя, расправившее все музыкальные эмоции вокруг голоса, огненным густком бросившая их в эфир — могучий — Головановский — аккорд. Он окрыляет чудесный голос и помогает ему облететь и напоить мелодией неутолимую жажду смертных. **Белоснежная статуя Неждановой на черном крылатом фоне.** Роскошно одетое, как лебедь, превращенный в царевну, из теплого мрамора, тело вдохновенно, возмужавно подалось вывсь, прислушивается к только что отлетевшей, но не умолкнувшей в пространстве, законченной музыкальной фразе. **Пьедестал из порфира.** На нем выразительным силуэтом промелькнули созданные Неждановой сценические образы. **Земля Родины** у подножия пьедестала счастливой дочери замерла в уборе кивающих лепестками полевых колокольчиков. Вместе собранный монумент А. В. Неждановой — ГИМН! Торжественный гимн: — ЗЕМЛЕ, СОЛНЦУ, ЦВЕТАМ, РЕДКОЙ УЛЫБКЕ СУДЬБЫ, вдохновенной Вере славы в могуществе Человека, тому, — из-за чего стоит жить!»